

недомогания и оставляет Фабера — капитала Гвардии, любимчика кардинала де Лавалетта, к которому Король благоволил и даже сказал однажды, что желал бы воспользоваться им, дабы отделаться от Ришелье. Его выбрали как человека храброго и здравомыслящего. Г-н де Ту решил однажды распознать, что он за человек, желая перетянуть его на сторону Господина Главного. Фабер дал понять, что ему известно многое, и попросил де Ту не говорить ему ничего такого, о чем он, Фабер, обязан был бы сообщить. «Но вам за это ничего не платят, — сказал де Ту, — вашу должность капитала Гвардейской роты вы купили». — «А вам, — ответил Фабер, — разве вам не стыдно быть на поводу у молодого человека, который еще совсем недавно был пажом? Вы в худшем положении, нежели думаете».

Маршал де Ламотт, под предлогом того, что он якобы хочет помешать испанцам прийти на выручку Перпильяну, нарочно распускает слух, будто таково намерение неприятеля, и продвигается вперед, оказавшись в тридцати милях от города. Маршал уведомил Кардинала, что продвинулся он ради того, чтобы услужить ему, и что даст слово прийти на помощь, когда тот пожелает, — он же готов похитить его у входа в Королевскую палатку, в его распоряжении тысяча солдат, за коих он отвечает, как за самого себя. Кардинал ответил, что восхищен находчивостью, проявленной Маршалом, и приказывает ему не продвигаться далее. Господин Главный, который был скорее умен, нежели рассудителен, догадался о замысле Маршала и уведомил о нем Короля.

А вот каким образом обнаружили, что Король не любит больше Господина Главного. Однажды в присутствии Короля зашел разговор о фортификации и об осадах. Господин Главный долго спорил с Фабером, который смыслил в этом несколько больше, нежели он. Покойный Король сказал: «Господин Главный, вы ничего еще не видели и потому напрасно желаете переспорить многоопытного человека», — а затем, немало наговорив Сен-Мару насчет его самомнения, сел в кресло. Господин Главный пришел в бешенство и неосмотрительно сказал, обращаясь к Королю: «Ваше Величество, вы могли бы и не говорить мне всего того, что сказали». Тут Король окончательно вышел из себя. Господин Главный удаляется и, выходя, шепчет Фаберу: «Благодарю вас, господин Фабер!» — словно обвиняя его во всем случившемся. Король пожелал узнать, в чем дело; Фабер ни за что не хотел говорить. «Он вам угрожает, быть может?» — спросил Король. «Государь, в вашем присутствии к угрозам не прибегают, а в иных обстоятельствах их не прощают». — «Я должен сказать вам все, господин Фабер. Вот уже шесть месяцев как меня от него толкают (это подлинные слова Короля). Но дабы люди этого не знали, дабы они думали, что он по-прежнему занимает меня разговором, когда все расходятся, — продолжал Король, — он еще остается полтора часа в моей гардеробной, читая Ариосто. Оба первых гардероб-лакея присутствовали при том, как он принимал святое причастие. Нет человека, более